

УДК 343.1**Запрет определённых действий как пример изменения уголовной политики Российской Федерации****Калашников Никита Анатольевич**

Лаборант-исследователь,
Лаборатории «4 Вю» Института государства и права,
Тюменский государственный университет,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, 23;
e-mail: n.a.kalashnikov@utmn.ru

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ института запрета определённых действий как новеллы уголовно-процессуального законодательства России. На основе эмпирического материала и статистических данных исследуется эффективность данной меры пресечения, выявляются коллизии правоприменительной практики. Особое внимание уделяется проблеме демаркации запрета определённых действий от смежных мер процессуального принуждения. Исследуется уникальная природа данной меры как инструмента дифференцированного процессуального воздействия, сочетающего превентивную и обеспечительную функции. Проанализированы правовые позиции судов относительно пределов и условий применения. Выявлены проблемные аспекты материально-технического обеспечения реализации запретов через систему ФСИН. Сформулированы концептуальные положения о перспективах развития данного института как альтернативы изоляционным мерам пресечения и концептуальные положения о перспективах развития системы мер пресечения в контексте гуманизации уголовной политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Калашников Н.А. Запрет определённых действий как пример изменения уголовной политики Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 11А. С. 457-462.

Ключевые слова

Запрет, меры пресечения, уголовный процесс, процессуальное принуждение, коллизия, новелла.

Введение

Новеллизация уголовно-процессуального законодательства 2018 года, ознаменованная имплементацией статьи 105.1 УПК РФ, существенно модифицировала архитектуру системы мер процессуального принуждения. Введение запрета определенных действий как автономного процессуального института знаменует парадигмальный сдвиг в концепции превентивного воздействия на участников уголовного судопроизводства. Эмпирический анализ правоприменительной практики 2018-2024 годов демонстрирует полисемантическую доктринальных подходов к интерпретации данного процессуального инструмента. Особую теоретико-правовую значимость приобретает дихотомия между превентивным потенциалом рассматриваемой меры пресечения и императивами гуманизации уголовной политики.

При детальном рассмотрении можно говорить об одном из самых противоречивых институтов уголовно-процессуального права. Ведь, с одной стороны, ст. 2 Конституции РФ закрепляет самого человека, его права и свободы в качестве высшей ценности, а, с другой стороны, эти самые права ограничиваются самим же государством ещё до вступления в законную силу приговора суда по конкретному делу, то есть до определения виновности человека. Происходит столкновение с фундаментальной дихотомией процессуальных задач. С одной стороны, императивное требование защиты личности от необоснованного уголовного преследования и чрезмерных правоограничений, закреплённое в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, выступает краеугольным камнем уголовного судопроизводства. С другой стороны, не менее значимой является необходимость обеспечения эффективного функционирования механизма уголовной юстиции и достижения целей правосудия. Данная коллизия правовых интересов требует от правоприменителя особой процессуальной деликатности и взвешенного подхода при принятии процессуальных решений. Институциональная амбивалентность запрета определенных действий проявляется в конфликте конституционно-правовых ценностей: с одной стороны, аксиологический примат человека, его прав и свобод (статья 2 Конституции РФ), с другой - легитимное ограничение этих прав до установления виновности в предусмотренном законом порядке.

Основное содержание

Анализ действующей системы мер пресечения свидетельствует о её определенной ригидности и ограниченном инструментарии процессуального принуждения. В научном дискурсе также неоднократно поднимался вопрос о недостаточной дифференциации мер процессуального принуждения [Калиновский, 2018, 9]. Вопреки мнению других специалистов [Марковичева, 2019, 82-83], не можем согласиться с тем, что это является серьёзной проблемой. Напротив, ограниченный список мер пресечения, закреплённый главой 13 УПК РФ, служит единообразию применения норм права, закрепляет конкретный порядок каждого действия правоприменителя, строгие основания и сроки, а также порядок обжалования. Чего не наблюдалось бы, если бы российский законодатель пошёл по пути американских коллег, где большое разнообразие мер пресечения никоим образом не служит единообразию практики [Диденко, 2019, 75-79].

Телеологический анализ новой меры пресечения, эксплицированный в пояснительной записке к законопроекту, актуализирует вопрос о её корреляции с современными тенденциями уголовной политики и доктриной баланса частных и публичных интересов. Принципиальное значение приобретает вопрос о достаточности существовавшего инструментария

процессуального принуждения и его соотношении с институтом уголовного наказания. Это является ключевыми задачами настоящей работы. Необходимо также определиться, почему мы не можем ограничиться только ранее существовавшими мерами пресечения, указанными в УПК РФ, до внесения изменений?

Научно-практическая дискуссия о процессуальной эффективности запрета определенных действий приобретает новые грани в контексте эволюции уголовно-процессуального законодательства. Полиморфность данной меры пресечения проявляется в её гибридном характере, интегрирующем элементы подписки о невыезде и домашнего ареста. При этом революционный характер данного института проявляется в детальной регламентации механизма замены на более строгую меру пресечения при нарушении установленных запретов. В том же году Е.В. Смахтин и А.С. Петровских отметили, что сам текст статьи 105.1 УПК РФ носит недостаточно определенный технико-юридический характер [Петровских, Смахтин, 2018, 23-25]. Особого внимания заслуживает технико-юридическая конструкция статьи 105.1 УПК РФ в контексте правовых позиций высших судебных инстанций. Несмотря на денонсацию юрисдикции ЕСПЧ, актуальность сохраняют выработанные им стандарты ограничения личной свободы. Концептуальное значение приобретает позиционирование данной меры как альтернативы изоляционным формам процессуального принуждения. Отмечают ряд проблем и другие авторы [Цебекова, Аштаева, Сухинин, Нактанов, Квициния, Горяева, Орусов, Санжираева, 2023, 65-67], ставят под сомнение эффективность [Цебекова, Аштаева, Сухинин, Нактанов, Квициния, Горяева, Орусов, Санжираева, 2023, 125-128] или утверждают о бесполезности данной меры в целом [Цебекова, Аштаева, Сухинин, Нактанов, Квициния, Горяева, Орусов, Санжираева, 2023, 333], с чем нельзя согласиться, как большинство исследователей считают, введение рассматриваемой меры пресечения – безусловное благо, и что запрет выступает предпосылкой для дальнейшей гуманизации и либерализации УПК [Литвина, 2020, 518]. Т.Б. Рамазанов и А.Р. Керимова отмечают также неоднозначную практическую реализацию, при всех теоретических заслугах новой нормы [Рамазанов, Керимова, 2022, 175-176].

Эмпирический анализ судебной статистики демонстрирует устойчивую тенденцию к избыточному применению заключения под стражу. Согласно данным Судебного департамента ВС РФ, коэффициент удовлетворения ходатайств об избрании данной меры пресечения в первом полугодии 2020 года составил 87,85% (42592 из 48483), с незначительным снижением до 87,26% (41700 из 47787) в аналогичном периоде 2023 года. При этом наблюдается экспоненциальный рост применения запрета определенных действий: с 995 ходатайств в 2020 году до 2205 в 2023 году. Вопреки ст. 97 УПК РФ правоохранительные органы даже при малейших сомнениях «перестраховываются» и ходатайствуют о самой строгой мере пресечения, что подтверждается и данными судебной статистики (см. практически одинаковое количество заявленных ходатайств на протяжении трех лет) [Елизарова, 2022, 111], что, по нашему мнению, недопустимо. Полагаем, что правоприменителям нужно чаще применять те инструменты, которым их вооружил закон.

Регламентированный статьей 105.1 УПК РФ запрет определенных действий расширяет дискреционные полномочия правоприменителя, представляя собой альтернативную меру пресечения пониженной репрессивности по отношению к остальным мерам. Нормативная конструкция интегрирует диверсифицированную систему запретов, консолидированных в части 6. Особого внимания заслуживает проблематика процессуальной конвергенции различных мер пресечения. Представляется перспективным развитие института комбинированного применения запретов с иными мерами процессуального принуждения, при

условии четкой регламентации пределов такого сочетания и механизмов контроля за их соблюдением.

Практика правоприменения выявляет коллизию в разграничении запрета определенных действий и домашнего ареста. Особого внимания требует дифференциация домашнего ареста (статья 107 УПК РФ) и запрета покидать жилое помещение в определенное время (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), где последний предполагает не полную изоляцию, а временные ограничения пребывания вне жилища. Правоприменительная практика выявила феномен процессуальной мимикрии, когда запрет определенных действий де-факто трансформируется в квази-домашний арест. Иллюстративным примером служит прецедент Басманного районного суда г. Москвы, установившего запрет на покидание жилища в течение 23 часов 59 минут, что было впоследствии квалифицировано вышестоящей инстанцией как противоречащее нормативной природе данной меры пресечения (Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.04.2021 № 10-8487/2021).

Также стоит отметить сложности Федеральной службы исполнения наказаний РФ (ФСИН) при реализации запрета определенных действий. Материально-техническое обеспечение реализации запретов через систему ФСИН представляет отдельную проблематику имплементационного характера. Они попросту не имеют достаточного количества технических устройств для реализации установленных запретов [Исакова, 2022, 142-143]. Это также представляется практической проблемой, которую решить в ближайшее время достаточно сложно, поэтому в данном случае мы апеллируем не к законодательству или органам уголовной юстиции, а обращаем на проблему органов исполнительной власти (именно они должны обеспечить соответствующий уровень материально-технического состояния).

Однако, на практике возникают сложности в установлении дополнительных запретов, зачастую правоприменителями неоднозначно трактуется тот или иной запрет, нарушаются права подозреваемого или обвиняемого. В свете правовой позиции Конституционного Суда РФ (Постановление от 22.03.2018 № 12-П) принципиальное значение приобретает темпоральный аспект запретов, превышение которого способно трансформировать процессуальное ограничение в квази-наказание, по мнению Суда продолжительность – не более 6 месяцев, чтобы не стать наказанием. Полагаем, судам следует учитывать мнение КС РФ, дабы не допустить нарушения прав граждан при наложении соответствующего запрета.

Интересен также и процесс реализации данного запрета, поскольку статья содержит лишь указание на то, что исполняется он при помощи органов ФСИН. Вот только в реальности непонятно, как именно можно ограничить лицо в управлении транспортным средством. Конечно, в статье указано, что суд изымает права данного лица. Но разве можно этим гарантировать, что данное лицо не будет продолжать управлять транспортным средством? А если допустить, что транспортного средства в собственности у данного лица вообще нет, то и вариант с помещением транспорта на закрытую автостоянку отпадает.

Заключение

Резюмируя, следует констатировать, что новелла уголовно-процессуального права знаменует парадигмальный сдвиг от монистического подхода к дифференцированной системе процессуального принуждения. Эффективность данного института детерминирована соблюдением конституционного баланса между императивами общественной безопасности и презумпцией невиновности. Телеологический анализ нормативной конструкции запрета определенных действий выявляет её полифункциональный характер. С одной стороны, данный

институт служит инструментом превенции, с другой – выступает механизмом. Подобная дуалистическая природа позволяет достичь оптимального баланса в уголовном судопроизводстве.

Перспективным направлением развития данного института видится расширение каталога запретов с включением ограничений на потребление психоактивных веществ и осуществление деятельности, создающей криминогенные риски. При этом принципиальное значение имеет соблюдение пропорциональности между процессуальными ограничениями и потенциальными уголовно-правовыми санкциями. В отличие от классических мер пресечения, основанных на физическом ограничении свободы, данный институт реализует модель поведенческого контроля, что соответствует современным тенденциям гуманизации уголовной политики.

Библиография

1. Вастьянова О.Д. Эффективность применения запрета определенных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 122-128.
2. Диденко В.И. Уголовное преследование в США на федеральном уровне и некоторые проблемы российского уголовного процесса (сравнительный анализ) // Вестник БелЮИ МВД России. 2019. № 1. С. 74-79.
3. Ендольцева А.В. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 64-67.
4. Елизарова А.Б. Основные практические сложности в применении института запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 1 (47). С. 109-113.
5. Исакова Т.И. Подписка о невыезде и надлежащем поведении, запрет определенных действий как альтернатива домашнему аресту // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 137-146.
6. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.
7. Литвина Л.М. Запрет определенных действий: шаг вперед // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4 (42). С. 514-518.
8. Марковичева Е.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 82-83.
9. Орлов А.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник Самарского юридического института. 2018. №5 (31). С. 53-57.
10. Петровских А.С., Смахин Е.В. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. №4 (106). С. 19-25.
11. Рамазанов Т.Б., Керимова А.Р. Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. №2. С. 172-176.
12. Цебекова Г.В., Аштаева С.С., Сухинин А.В., Нактанов К.К., Квициния Д.А., Горяева А.А., Орусов С.С., Санжираева М.Б. Проблемные аспекты применения запрета определенных действий // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223). С. 330-334.

Prohibition of Certain Actions as an Example of Changes in the Criminal Policy of the Russian Federation

Nikita A. Kalashnikov

Research Assistant,
Laboratory "4 Bio," Institute of State and Law,
Tyumen State University,
625003, 23 Lenin str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: n.a.kalashnikov@utmn.ru

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the institution of prohibition of certain actions as a novelty in the criminal procedural legislation of Russia. Based on empirical material and statistical data, the effectiveness of this preventive measure is examined, and the collisions in law enforcement practice are identified. Special attention is paid to the problem of demarcating the prohibition of certain actions from related measures of procedural coercion. The unique nature of this measure as a tool of differentiated procedural impact, combining preventive and security functions, is investigated. The legal positions of the courts regarding the limits and conditions of application are analyzed. Problematic aspects of the material and technical support for the implementation of prohibitions through the Federal Penitentiary Service system are identified. Conceptual provisions on the prospects for the development of this institution as an alternative to isolation measures and on the prospects for the development of the system of preventive measures in the context of the humanization of criminal policy are formulated.

For citation

Kalashnikov N.A. (2024) Zapret opredelennykh deystviy kak primer izmeneniya ugovnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Prohibition of Certain Actions as an Example of Changes in the Criminal Policy of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (11A), pp. 457-462.

Keywords

Prohibition, preventive measures, criminal procedure, procedural coercion, collision, novelty.

References

1. Vast'yanova O.D. Effectiveness of the application of the prohibition of certain actions // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. No. 1 (13). P. 122-128.
2. Didenko V.I. Criminal prosecution in the USA at the federal level and some problems of the Russian criminal process (comparative analysis) // Bulletin of the BellLaw Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. P. 74-79.
3. Endoltseva A.V. Prohibitions imposed on a suspect or accused as a preventive measure: controversial issues // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 1. P. 64-67.
4. Elizarova A.B. The main practical difficulties in the application of the institution of prohibition of certain actions in criminal proceedings // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (47). P. 109-113.
5. Isakova T.I. Recognizance not to leave and proper behavior, prohibition of certain actions as an alternative to house arrest // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2022. No. 2 (51). P. 137-146.
6. Kalinovsky K.B. Prohibition of certain actions as a preventive measure // Criminal Procedure. 2018. No. 6. P. 9.
7. Litvina L.M. Prohibition of certain actions: a step forward // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (42). P. 514-518.
8. Markovicheva E.V. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 1. P. 82-83.
9. Orlov A.V. Prohibition of Certain Actions in the System of Preventive Measures // Bulletin of the Samara Law Institute. 2018. No. 5 (31). P. 53-57.
10. Petrovskikh A.S., Smakhtin E.V. Prohibition of Certain Actions: Interpretation and Application Problems // Russian Law: Education, Practice, Science. 2018. No. 4 (106). P. 19-25.
11. Ramazanov T.B., Kerimova A.R. Some Theoretical and Practical Issues of Applying the Prohibition of Certain Actions in Criminal Proceedings // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2022. No. 2. P. 172-176.
12. Tsebekova G.V., Ashtaeva S.S., Sukhinin A.V., Naktanov K.K., Kvitsinia D.A., Goryaeva A.A., Orusov S.S., Sanzhiraeva M.B. Problematic aspects of the application of the prohibition of certain actions // Law and state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). P. 330-334.